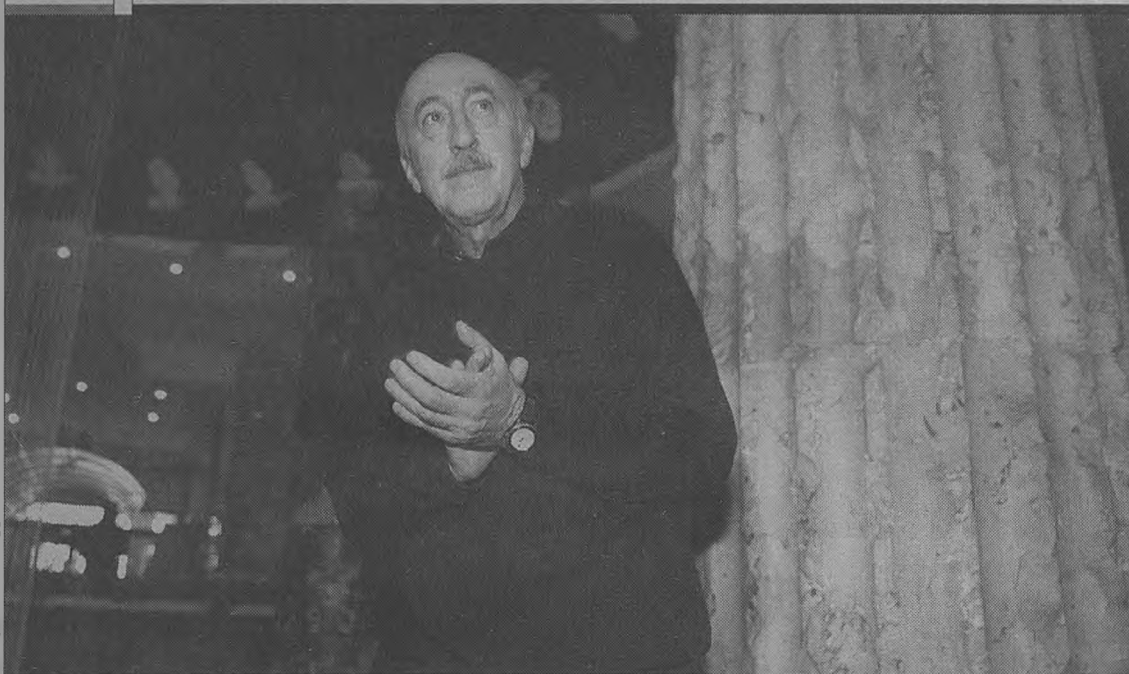

«Я глубочайшим образом грузин».
Отар Иоселиани — «Известиям»
На кинофестивале в Риге Ларс фон Триер
и Кира Муратова не получили ничего

КИНОРЕЖИССЕР ОТАР ИОСЕЛИАНИ:

«Я НЕ БАЛЕРИНА, ЧТОБЫ НАХОДИТЬСЯ В ЦЕНТРЕ ВНИМАНИЯ»

ЭКСКЛЮЗИВ

— Жалеете о той поре?

— Мне иногда жаль, что она кончилась. Советский кинорежиссер — это была увлекательнейшая профессия. Нужно было виртуозно исхитриться сделать так, чтобы заявка сценария, утвержденная коллегией Госкино, к завершению съемок фильма оборачивалась бы чем-то совершенно иным. Надо полагать, эти обстоятельства оттачивали мастерство. Да и люди, которые запрещали, они ведь обычно уважали нас, любили давать советы, порой весьма толковые, особенно в житейском смысле, и словно бы втихомолку подмигивали: дескать, и мы вместе с вами. Не только мы, они тоже были жертвами системы. Если помните, среди запрещенных оказалась тогда и очень интересная картина Кончаловского про Асю-хромоножку. Иное дело, он на этом не остановился и стал снимать дальше разное безобразие. Не забывайте, ему всегда была гарантирована поддержка автора гимна Советского Союза — страны, где все мои фильмы лежали в дальнем углу полки, и в этом смысле могу считать себя рекордсменом.

«ДЕЛЕЦ ОТ КИНЕМАТОГРАФА БЕССОН СНЯЛ РИМЕЙК «ФАНФАН-ТЮЛЬПАНА». НУ И ЗАЧЕМ, ВСЕ РАВНО ЖЕ ПОЛУЧИЛАСЬ ДРЯНЬ»
— В беседе два года назад на вопрос, не намечается ли каких-то совместных проектов с российским кино, вы довольно резко ответили, что хотите, чтобы я имел дело с этими бандитами... К осени 2004 года отношение не изменилось?

— А что могло измениться? Всем же известно, после 6 лет от роду человек с трудом меняется, тем более — после 45. Если задача не допустить сдачу позиций, не подвести людей, которые тебе верят. Так как я глубочайшим образом грузин, буду стараться продолжать возводить некий духовный мост между теми людьми, которые уже ушли от нас, и нынешними зрителями.

— Но пролеты моста для режиссера, согласитесь, главным образом его фильмы. Вы же ничего не сняли...

— После «Утра понедельника» я находился в некотором замешательстве, потому что сочинил некий опус, который собирался снимать, но затем уничтожил. Не хотел бы говорить о причинах. Сейчас написал другой, надеюсь, месяца через три-четыре начну снимать. Чем дольше живешь на свете, тем ответственнее относишься к каждому шагу. Делать то, что уже раньше делал, невозможно, а чтобы делать то, чего еще не делал, важно собраться с мыслями, крепко почесать затылок. Новый фильм требует очень долгих раздумий. Это будет вовсе не продолжение «Утра понедельника» — я сделаю картину о том, что, каким бы беспощадным и идиотским ни был окружающий мир, лучше не терять время на его переустройство, а просто жить. Я не хочу изменить мир, скорее — шаг за шагом подниматься на свою гору. Главное — смотреть не вверх, а себе под ноги, даже если это звучит не так поэтично, как хотелось бы. Возможность добраться до вершины есть только при условии, когдамотришь, куда ставить ногу на следующем шаге.

— А как же борьба со злом?

— Я бы ответил так: анализировать безобразие, которые могут происходить в помутившемся сознании людей, — не задача художника. Есть наши житейские размышления о дикой природе человека, государства, мироустройства, но вряд ли я когда-нибудь стану снимать об этом. Преступник не является предметом искусства, для меня это очевидно. Лучше делать фильм о том, что человеку суждено прожить одну-единственную жизнь, в которой ему не следует становиться преступником. Если снимать картину о зле, получится коммерческое кино, о предназначении же человека — авторское.

— Для этого подходят и новые технологии, появляющиеся у кинематографа едва ли не ежегодно?

— Они появляются потому, что инженеры не могут остановиться и постоянно изобретают новое. К новым средствам, на мой взгляд, нужно подходить с той же ответственностью, с какой мы относились к плен-

ке, когда дрожа склеивали ее ацетоном. У нас были великодушные операторы — тот же Москвин, в Грузии — Высоцкий, Пааташвили, и то, что потеряна культура фотографии черно-белого цвета, искусства светотени, конечно, скверно. Разве новизна в том, что делец от кинематографа Бессон снял римейк «Фанфан-Тюльпана»? Ну и зачем, все равно же получилась дрянь, хоть ее и посмотрели миллионы тех, кто не видел Жерара Филиппа и Джину Лоллобриджиду.

— Вы, кстати, по-прежнему не снимаете звезд?

— Я ничего не имею против Денев или Бельмондо, но, снимись они у меня, сегодня этих фильмов уже не было бы. Звезды с их традиционным клише опасны для того кино, которым занимаюсь я, поэтому стараюсь их избегать. Наделенные от природы артистизмом непрофессионалы могут дать фильму гораздо больше, незнакомые зрителю лица становятся элементом текста.

«ЧТО, ОПЯТЬ О КИНО! НУ НЕВОЗМОЖНО ЖЕ... ДАВАЙ ЛУЧШЕ О БАБАХ»

— Если верить министру культуры Георгию Габашвили, грузинское кино сейчас возрождается. Может быть, и вы вернетесь снимать на родину?

— Работать в Грузии пока нельзя. Постсоветская эпоха породила там такое количество воров и мерзавцев, что они разграбили всю студию — оборудование, дома, землю... Восстанавливать надо даже не с нулевой отметки, а с минусовой. Кинотеатры превращены в игорные дома, да если бы этого и не произошло, проекционные установки требуют замены: на новые нет средств, старые только портят пленку. Финансовая поддержка государства столь мизерна, что даже известные режиссеры снимают фильм лет по шесть. Актеры стареют, дети растут, старики уходят из жизни... Я, например, если снимаю три месяца — это уже много, а шесть лет — и представить не могу, проще пустить себе пулю в лоб. И, пожалуй, главная беда — полностью уничтожено среднее звено, те, кто за кадром, но без которых не бывает кино: осветители, монтажеры, бутафоры, звукотехники. Оставшись без работы, они были вынуждены переквалифицироваться в коммерсанты или заняться чем-то иным, не менее почетным делом. А это значит — кино нет.

Советская власть субсидировала кинематограф потому, что он был средством пропаганды советского образа жизни. Фактически всем ведущим мастерам не удалось избежать этого, что, к сожалению, относится и к Ромму, и к Эйзенштейну, который наделал много безобразий. Из своего парижского далека я могу подсказать путь, проложенный министром культуры при де Голле Мальро, сделавшим французское кино национальным достоянием. Чем больше смотрят в кинотеатрах голливудские фильмы, тем больше отчислений получает французское кино. Государство обязало и телевидение вкладывать деньги в кинематограф и 60% экранного времени отдавать национальной продукции, которая выходит на малый экран через два года после большого. Среди всей дряни, предлагаемой каждому телеканалу, стараются отобрать наименьшую дрянь, и из 120 фильмов вполне возможно выбрать штук шесть. Чем не замечательный путь!

— Нынешняя власть в Грузии не предлагала вам стать министром культуры? Убедили же вернуться в Тбилиси Каху Бендукидзе, Нину Ананишвили...

— К счастью, подобная идея им не пришла в голову. Я явно не гожеусь для такого дела.

— Интересно, какой из фильмов последнего времени произвел впечатление на Иоселиани?

— Что, опять о кино! Ну невозможно же... Давай лучше о бабах.

НАСТРИГЛИ \$10 000

КАНАДСКОЕ КИНО ПОБЕДИЛО
НА ФЕСТИВАЛЕ «АРСЕНАЛ»

Фильм канадского режиссера Ги Мадена «Самая печальная музыка в мире» с красавицей Изабеллой Росселини получил главный приз на кинофестивале «Арсенал»

МАТВЕЙ ГЛЕБОВ | Рига

В Риге завершился международный кинофестиваль «Арсенал», посвященный 70-летию Отара Иоселиани. Это единственный в мире фестиваль, на котором победителя определяет не голосование, а жеребьевка. Десять тысяч долларов и мешок с золотым руном — позолоченной шерстью остриженной овцы — увез из Риги канадский продюсер Даниэль Айрон, представлявший на «Арсенале» картину режиссера Ги Мадена «Самая печальная музыка в мире». Стилизованная под немое кино музыкальная мелодрама о конкурсе на самую грустную мелодию, организованном во времена Великой депрессии начала 1930-х годов пивоварами Виннипега и героиней красавицы Изабеллы Росселини, которая, оставшись без ног, сохраняет любовь к жизни, прагматизм и завидное чувство юмора, получила главный приз.

«Арсенал» — единственный в мире фестиваль, обходящийся без жюри: организаторы считают все отобранные ими на конкурс фильмы достойными главной награды и разыгрывают ее, доверив выбор фортуны. На закрытии фестиваля авторам всех 15 конкурсных фильмов вручили по «магическому кристаллу» с гравировкой «Лучший режиссер». На всю церемонию, включая кадры из 15 фильмов, ушло не больше 15 минут. Тут-то и появились овцы.

Та, которую позолотили и которой выпала честь быть остриженной, повела себя вполне прилично, не шибко брыкалась, когда ее переворачивали. Состриженную шерсть, то бишь золотое руно, собрали в мешок, разогретое вино разлили по 15 бокалам темного стекла, в один из которых опустили пуговицу, срезанную с пиджака отца-основателя «Арсенала» Аугуста Сукутса. Участников акции честно предупредили: пить осторожно. Если ненароком проглотить пуговицу — 10 000 долларов перейдут в актив лауреата следующего фестиваля. Искомый бокал вполне мог взять датчанин, выступавший от имени фильма Ларса фон Триера «Пять препятствий», австриец, представлявший ленту Ульриха Зайдля «Иисус, ты знаешь!», или консул посольства Украины в Латвии — он привез картину Киры Муратовой «Настройщик». Не сложилось. Фортуна улыбнулась «Самой печальной музыке».

За девять «арсенальских» дней сентября по экранам пяти билингвальных залов фестиваля прошло свыше 150 фильмов из 40 стран. Два из них отнесли к особым событиям: сопровождаемую хором Латвийского радио премьеру «Лютера» немецкого режиссера Эрика Тилла с такими суперзвездами, как сэр Питер Устинов и Бруно Ганц, и показ знаменитого фильма Александра Медведкина «Счастье», озвученный рижским православным хором «Благовест».

Поклонников творчества Муратовой порадовал почти часовой документальный фильм «Кира». Продвинутая публика смотрела программы африканского и латиноамериканского кино, независимых американских режиссеров, ленты документального фестиваля в Амстердаме. Большой успех был у программы, включавшей фильмы «золотой эпохи» грузинского кино, хотя злые языки объясняли переполненный зал тем, что перед показом угощали «Оджалеш» и «Ахашени».

10 000 долларов составил и призовой фонд конкурса фильмов стран Балтии: у него, правда, было международное жюри и четыре номинации. С легкой натяжкой можно сказать, что режиссер из Латвии Лайла Пакалнина взяла банк, ибо ее часовая лента «Автобус» (в международной группе снимал и московский оператор Алишер Хамидходаев) о поездке рейсового автобуса Таллин — Калининград, пересекающего за сутки четыре государственные границы, признана лучшей документальной картиной и лучшим фильмом всего конкурса. Лайла унесла львиную долю премияльных — 6000 долларов. Специальный приз достался отмеченной недавно Московским кинофестивалем эстонской игровой картине «Бунт свиней».

Посетившего кинофестиваль в качестве почетного гостя Отара Иоселиани разместили в принадлежащем бывшему премьер-министру Латвии Марису Гайлису «философском домике» на полуострове Кипсала с роскошной панорамой Старой Риги. Отар Давидович, бросивший в массы тезис, что пить надо много, умеючи, обязательно в хорошей компании и ни в коем случае не в дурном настроении, занимался в Риге не только этим. Распространил, в частности, беспорное для него геополитическое утверждение, что Грузия — духовный и культурный форпост Европы среди мусульманского мира.

ФЕСТИВАЛЬ